

ФИЛОСОФИЯ ПОЗНАНИЯ

А. Лорети

ВЕРИФИКАЦИОНИЗМ В СРЕДНЕМ ВИТГЕНШТЕЙНЕ

Аннотация. В статье анализируется концепция верификационизма в творчестве неопозитивистов и Л. Витгенштейна. Автор рассматривает версии принципа верификации авторства Р. Карнапа и М. Шлика. Автор отмечает, что главной целью философии членов «Венского кружка» была разработка критерия демаркации осмысленных и бессмысленных предложений, науки и метафизики. По мнению автора, Витгенштейн в среднем периоде своей карьеры придерживался другой версии верификационизма, согласно которому значением предложения является способ его эмпирической проверки. Автор рассматривает теорию относительности Эйнштейна и интуиционизм Броуера как источники верификационизма среднего Витгенштейна. Применялся принцип объективности анализа текстов. Автор стремится к тому, чтобы предоставлять взгляды Витгенштейна через цитаты из текстов самого философа. Автор приводит цитаты также из текстов таких авторов как Шлика, Карнапа, Рассела и Хакера. Верификационизм играл весьма важную роль в философии Витгенштейна, точнее в среднем периоде его философского творчества. Версия верификационизма Витгенштейна отличается от формулы неопозитивистов. Однако учение верификационизма приводит нас к большой философской проблеме: если применить верификационизм, то работа историков и учёных сводится всего лишь к описанию ничтожных фактов и данных, а неприменение верификационизма приводит к пустоте и бессмысленности, потому что у нас нет критериев использования многих терминов как научной, так и повседневной речи. С такой проблемой столкнется Витгенштейн позднего периода своей творческой эволюции и предложит свой путь к её решению.

Ключевые слова: Витгенштейн, Эйнштейн, верификационизм, математика, интуиционизм, предложение, Карнап, Шлик, неопозитивизм, Брауэр.

Review. In this article Loreti analyze the concept of verificationism as it was presented by neopositivists and Ludwig Wittgenstein. The author of the article examines the versions of the verification principle in Carnap's and Schlick's works. The author notes that the main purpose of the Vienna Circle philosophers was to develop a criterion for demarking between sensible and senseless sentences, science and metaphysics. According to the author of the article, in the mid-period of his academic career Wittgenstein followed another version of verificationism according to which the meaning of a sentence was to be found empirically. The author of the article views Einstein's relativity theory and Brouwer's intuitionism as the sources for verificationism in middle Wittgenstein's researches. The author has applied the principle of objective textual analysis and tried to describe Wittgenstein's views and opinions through direct quotations of Wittgenstein. The author also provides quotations from works of such academicians as Schlick, Carnap, Russell and Hacker. Verificationism played an important role in Wittgenstein's philosophy, particularly in the mid-period of his philosophical writing. Wittgenstein's version of verificationism differs from the neopositivist formula. However, the teaching of verificationism brings us to even a greater philosophical issue. If we apply the verification principle to all researches, historicans and scientists will have to only describe mere facts and data while non-application of verificationism will lead to empty and senseless statements taking into account that we have no criteria for using most of known terms both in our scientific and everyday language. That was the problem late Wittgenstein encountered and solved.

Keywords: Carnap, proposition, intuitionism, mathematics, verificationism, Einstein, Wittgenstein, Schlick, Neopositivism, Brouwer.

Одним из наиболее значительных вкладов неопозитивистов в философию науки первой половины XX в. является принцип верификации. Следует отметить, что единого и общего определения верификационизма

не существует. Встречающиеся у неопозитивистов формулировки верификационизма содержат, как правило, два тезиса, которые мы выделим в данной работе. Первый тезис представляет критерий значимости предложений, с помощью которого

возможно отличать осмысленные предложения от бессмысленных:

(1) Предложение является осмысленным только тогда, когда его можно *верифицировать* – т.е. подвергнуть непосредственной эмпирической проверке либо свести к такому предложению, которое можно проверить непосредственно.

Вторым тезисом является семантическое определение значения предложений. Оно может быть представлено в двух вариантах:

(2a) Значение предложения – это способ его эмпирической проверки.

(2b) Значение предложения – это отраженный в нем реальный факт.

В формулировках неопозитивистов наблюдаются в смешанном виде и первый, и второй варианты последнего тезиса (и 2a и 2b). Однако главной целью философии членов «Венского кружка» была разработка критерия демаркации осмысленных и бессмысленных предложений, науки и метафизики. Таким образом, уместно предположить, что формулировка «значение предложения – это способ его эмпирической проверки» применялась неопозитивистами для обоснования науки как единственной осмысленной познавательной доктрина (что отражено в первом тезисе), а также чтобы исключить религию, поэзию и этику из ряда *осмысленных* теорий; к подлинно научному знанию можно отнести только такое, которое можно констатировать эмпирическим путем, т.е. верифицируемое. Члены венского кружка признавали раннего Витгенштейна предвестником данного принципа (1 и 2a). Стоит отметить, что формулировка (2b) схожа с теорией «Трактата», согласно которой Предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так. Понять же предложение – значит знать, что имеет место, когда предложение истинно. Однако, понимание концепции верификационизма у Витгенштейна отличается от неопозитивистского. Таким образом, следует отдельно рассмотреть взгляды Витгенштейна и неопозитивистов и выявить принципиальные различия между ними. В этой статье при рассмотрении значения этих формулировок верификационизма, особое внимание будет уделено версии (2a), главным теоретиком которого является сам Витгенштейн в среднем периоде его философского творчества, а предшественниками по всей видимости Э. Мах, А. Эйнштейн, П.У. Бриджмен (в частности, интерпретация Бриджмена теории относительности Эйнштейна).

Рассмотрим более подробно концепцию неопозитивистов. В формулировке Карнапом (в статье 1931-32 гг.) данного принципа – «Предложение означает лишь то, что в нём верифицируемо. Поэтому предложение, если оно вообще о чем-либо говорит, говорит лишь об эмпирических фактах. О чём-либо лежащем принципиально по ту сторону опытного нельзя ни сказать, ни мыслить, ни спросить» [1; 3, с. 18] – наблюдается вариант тезиса (2b), который как раз происходит от неопозитивистской интерпретации изложенной в «Логико-философском трактате» теории возможных условий истинности и ложности предложений. Заключение таково – говорить можно только об эмпирических фактах. Если в предложении отсутствуют отсылки к верифицируемым фактам в мире, то следует рассматривать его не как предложение науки, а как предложение метафизики. И в этом мы узнаем тезис (1) верификационизма, который является кредо неопозитивистов – демаркация науки и метафизики.

Рассмотрим теперь формулировку Шлика: «Существует только один способ придать значение предложению, сделать его высказыванием: необходимо определить правила его использования. Иными словами: нужно описать факты, которые сделают «истиной» предложения, и уметь их отличить от фактов, которые делают их «ложью». Иначе говоря: значение предложения является способом его проверки. Вопрос: «Что значит предложение?» равен вопросу (и предполагает тот же ответ): «Как проверяется это предложение?».

И одна из самых серьёзных философских ошибок – считать, что некое предложение имеет значение независимо от каких-либо путей его проверки» (*перевод авт.*) [2; 15, с. 311].

В этом отрывке Шлик обращает своё внимание на «значение» предложения и утверждает, что оно равно методу его эмпирической проверки. В отличие от формулы Карнапа, данный тезис безусловно ближе к версии (2b) верификационизма. Шлик далее пишет: «Мы попали в безнадежную путаницу, поскольку намереваемся понять значение предложения, хотя в принципе не удаётся определить обстоятельства, при которых оно будет истиной. Пока я не в состоянии разработать логический метод для выяснения истинности или ложности суждения, я должен признать, что я не знаю, что в действительности утверждается в данном предложении. [...] При отождествлении значения предложения с методом его верификации мы не обнаружим ничего внеоче-

редного – мы обнаружим лишь общеизвестную истину. [...] Никто не выяснял значение предложения иначе, кроме как излагая, что изменится в мире в случае если предложение будет ложью, а не истиной (или наоборот). Я уверен, что это неоспоримо. Но, как правило, главное возражение на моё мнение заключается в положении, что «разница в мире», высказанная в предложении, не может наблюдаться или обнаружиться в любом случае. Другими словами: для того, чтобы предложение имело для нас некое значение, мы должны знать, какие факты оно выражает [...]» (перевод авт.) [3; 15, с. 311].

Данную цитату Шлика можно считать переходом от тезиса (2b) к тезису (2a), который ближе к теории возможных условий истинности и ложности предложений. Как сказал Витгенштейн в своем «Трактате», понимание высказывания возможно, когда мы знаем, какие факты реального мира делают его истиной и какие – ложью.

Шлик далее продолжает: «[...] однако может быть совершенно невозможно для нас узнать, имеет ли место такой факт. В этом случае предложение никогда не может быть проверено – однако оно не является бессмысленным. Таким образом, заключают наши оппоненты, значение отличается от проверяемости, оно с ней не связано. Такой аргумент неубедителен из-за неопределённости в слове «проверяемость». В первую очередь, можно было бы назвать верифицируемым предложение, если факты нам позволяют устанавливать правду или ложь при нашем желании. В этом смысле, было бы невозможно проверить утверждение вроде: «На глубине трехсот метров под землей под моим домом должно находиться золото», потому что несколько эмпирических обстоятельств абсолютно не позволяют мне узнать правду; и тем не менее данное высказывание далеко не бессмысленно. Или рассмотрим следующее предложение: «На обратной стороне Луны есть горы в три тысячи метров высотой». Вероятно, ни одно человеческое существо никогда не будет в состоянии верифицировать или фальсифицировать его, но какой философ так смело объявил подобное предложение бессмысленным? Я думаю, должно быть ясно, что мы не имеем никакого дела с таким использованием термина «проверяемость», и мы должны были иметь в виду что-то иное, когда говорили, что смысл предложения является его методом проверки. На самом деле, мы считаем предложение поддающимся проверке, когда мы в состоянии описать способ его проверки, независимо от того, можем ли мы осуществлять верификацию или

не можем. Достаточным было бы сказать, что необходимо сделать для верификации, даже если никто не будет в состоянии это сделать» (перевод авт.) [4; 15, с. 312].

В этой цитате Шлик смягчает требования определения верификационизма. Шлик подтверждает некую теорию условий истинности и ложности предложения (2b). В соответствии с данной переформулировкой верификационизма Шлик допускает, что часто люди понимают предложение (что означает его осмысленность), даже когда не имеют ни малейшего представления о научной методике его верификации.

Обратимся к теории Витгенштейна.

«Теперь нет никаких сомнений в том, что в 1929 году Витгенштейн предложил идею, ставшую впоследствии известной как принцип верификации (верифицируемости). [...] В самом деле, есть все основания полагать, что члены Венского кружка, сформулировавшие тот принцип, что значение предложения заключается в методе пресловутой его верификации, позаимствовали его у Витгенштейна» [5, с. 135].

Из этого небольшого отрывка П.М.С. Хакера мы узнаем два интересных факта:

1. В периоде между концом 20-ых и началом 30-ых гг. Витгенштейн придерживался принципа верификации.
2. Неопозитивисты сформулировали данный принцип под влиянием Витгенштейна [6; 5, с. 135].

Таким образом, перед нами встаёт вопрос, в какой степени работы Витгенштейна повлияли на концепцию верификационизма философов «Венского кружка». В том факте, что Витгенштейн оказал на них существенное влияние, ни малейших сомнений не возникает – это открыто признавали все неопозитивисты, начиная с Карнапа. Воспользовавшись текстами Хакера, попытаемся ответить на вопрос о том, каким образом идеи Витгенштейна оказали влияние на концепцию верификационизма неопозитивистов, но прежде следует дать определение самому принципу верификации. Как указывает Хакер, «нет принципа верификации в «Трактате»» (перевод авт.) [7; 5, с. 135]. Он полагает, что неопозитивисты узнали о «теории Витгенштейна» из работ Ф. Вайсмана [8; 5, с. 136-137]. Д. Пассмор [9; 11, с. 368] и Хакер [10; 5, с. 139] отмечают, что принцип верификации появился впервые в статье Вайсмана «A Logical Analysis of the Concept of Probability» (опубликованной в «Erkenntnis» I

(1930-31), 228-48). На первой странице этой работы Вайсман признаёт, что его доктрина формировалась под влиянием идей Витгенштейна. Хакер пишет [11; 5, с. 136-137], что формулировка принципа верификации в данной статье близка к изложению самого принципа в «Theses» («Тезисы»), которые были «были созданы в 1930 году и более поздняя версия которых была напечатана в качестве Приложения В к Людвиг Витгенштейн и Венский кружок. Это было попыткой резюмировать философию Витгенштейна, т.е. «Трактат», дополненный новыми идеями Витгенштейна, родившимися в его беседах с Вайсманом и Шликом» (перевод авт.) [12; 5, с. 136]. Кенни тоже подтверждает такое предположение.

Хакер заключает, что «Благодаря обсуждениям на еженедельных собраниях Кружка и циркуляции «Theses» эти новые идеи распространились».

Как пишет Кенни, Витгенштейн излагает свою версию верификационизма в «Философских заметках» («Philosophische Bemerkungen»), которые являются главным его произведением в периоде с 1929 г. по 1932 г. Данная работа, насколько нам известно, не была опубликована на русском языке. «Философские заметки» долго оставались несправедливо незамеченными исследователями, между тем как работа интересна, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, «Философские заметки» необходимы для понимания и оценки философии позднего Витгенштейна, а во-вторых, в «Философских заметках» Витгенштейн предлагает феноменологическую концепцию.

Неопозитивисты признавали автора «Трактата» предшественником программы демаркации науки и метафизики. Несмотря на уже упомянутое заключение Хакера, что «едва ли возможно найти верификационизм в «Трактате», стоит обратить внимание на то, что формулировка принципа верификации (2b) по сути весьма близка к теории «Трактата», согласно которой «предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так. Понять же предложение – значит знать, что имеет место, когда предложение истинно». А для того, чтобы узнать, истинно ли предложение, необходимо осуществить некую процедуру верификации. Именно это объясняет, почему в «Трактате» неопозитивисты увидели утверждение верификационизма.

Согласно изложенной в «Трактате» теории, предложение рассматривается как картина, соответственно, его возможно понять, если изо-

браженная им ситуация нам известна. Если предложению соответствует факт реального мира, то можно заключить, что предложение – истинно, и, кроме того, верифицируемо. Однако содержание «Трактата» не предполагает, что понимание предложения сводится к возможности удостовериться в его истинности или ложности, т.е. к самому методу его эмпирической проверки. С другой стороны, это не является дополнительной проблемой, поскольку «определение его истинности, т.е. сопоставление с реальностью, не должно, казалось бы, представлять никакой проблемы. Все, что нужно сделать, это понять, связаны ли объекты, являющиеся значением имен, так, как утверждается в предложении (и этот вопрос, как известно, не был продуман)» (перевод авт.) [13; 5, с. 139]. Так как истинность предложения определяется путём сличения с реальностью, прежде всего необходимо уточнить, какое положение вещей им обозначено, а потом сопоставить его с самими фактами, что далеко не всегда возможно. На деле часто случается, что метод проверки предложения недоступен, в то время как понимание предложения, по всей видимости, не составляет труда. Доктрина «Трактата», как уже было сказано, безусловно близка к верификационизму [14; 4, с. 382] но не сводима к нему, особенно к его семантическому тезису в пункте (2a).

Однако вернувшись к философии в 1929 г., Витгенштейн во многом переосмыслил свою концепцию. Он перешёл к рассмотрению мира как «совокупности фактов» и «если факты не состоят из объектов, являющимися значениями, если значения простых имён разъясняются путём использования примеров, относящихся к способу представления, тогда способ, при помощи которого мы сравниваем предложения (содержащие выражения, определённые примеры) с реальностью, должен быть подходящим для его значения. Метод сравнения примера с реальностью должен быть внутренне связан со значением рассматриваемого предложения» (перевод авт.) [15; 5, с. 139].

А это и есть тезис (2a) верификационизма: понимание значения предложения сводится к самому методу его проверки. В соответствии с данным принципом невозможно уловить смысл фразы, не отыскав предварительно её доказательства. По витгенштейновской версии принципа верификации понимание предложения и умение его проверить – одно и то же. Как пишет Хакер: «В самом деле, верификация даёт нам грамматику предложения и таким образом отвечает на вопрос: «Что

бы это означало для него – быть истиной?». Если бы смыслом слова «красный», например, был объект, тогда знать смысл слова «красный» уже значило бы знать, как фраза «А – красное» связана с реальностью. Но если значение слова «красный» даётся через объяснение этого значения, например «Это F [указывая на образец] – красное», то для того, чтобы знать, что «А – красное», нам надо, кроме того, знать, как «положить его рядом с реальностью», как верифицировать его» [16; 5, с. 141].

В «Философских заметках» Витгенштейн излагает данный принцип в нескольких параграфах:

«Значением вопроса является метод нахождения на него ответа» (перевод авт.) [17; 20, с. 66-67];

«Всякое предложение указывает нам на верификацию» (перевод авт.) [18; 20, с. 174];

«Верификация не является только лишь признаком истины, но самим смыслом предложения» (перевод авт.) [19; 20, с. 200];

«Всякое обладающее значением предложение показывает нам при помощи своего смысла, каким образом мы можем удостовериться в его истинности или ложности» (перевод авт.) [20; 20, с. 170];

«Понять предложение значит знать, как решить вопрос о его истинности или ложности» (перевод авт.) [21; 20, с. 77].

Неопозитивисты делали акцент на демаркации науки и метафизики. Витгенштейн же уделяет основное внимание тому, каким образом предложение связано с реальностью.

Источниками принципа верификации является идея Эйнштейна наряду с заключениями Витгенштейна о философии математики. Стоит отметить, что Эйнштейн – один из немногих авторов, которых Витгенштейн открыто цитировал в своей работе. Это свидетельствует о том, что Витгенштейн был знаком с теорией относительности, и она на него оказала влияние. Витгенштейн в своей работе ссылается на Эйнштейна, который писал, что «как измеряется некая величина, тем она является» (перевод авт.) [22; 20, с. 200]. Согласно Эйнштейну и его интерпретации Витгенштейном и Бриджмен [23; 1, с. 281-283], при применении разных методов измерения получаются и разные величины. А если из данных измерений выходит тот же результат, то это приветствуется физиками, однако они не приходят к выводу, что они измерили объективную величину, которая остается неизменной независимо от метода измерения. Например, температура может измеряться с помощью ртутного или электрического или спиртового

термометра. Возможно, физик с учётом данных результатов сможет вывести определение кое-какой искусственной единой величины, но при этом не забудет, что она всего лишь его конструкция. Эйнштейн принял такое экстремальное решение, чтобы смягчить относительность синхронности. Два события не являются одновременными по отношению к двум наблюдателям, если они не находятся в состоянии взаимного покоя. Пенроуз в качестве примера приводит факт, что два пешехода, которые пересекаются на улице, живут в настолько разных вселенных, что во вселенной одного отправилась из Андромеды, наиболее близкой галактики к Млечному пути, карательная экспедиция уничтожить солнечную систему, а во вселенной другого Совет всей галактики Андромеды всё ещё обсуждает вопрос о данной экспедиции [24; 12, с. 393].

В философии Витгенштейна среднего периода его эволюции данное заключение Эйнштейна воздействует с философией математики. Как известно, в марте 1928 г. Витгенштейн послушал лекцию Брауэра об основах математики. Авторитет, которым пользовался интуиционизм – одна из причин его возрождающегося интереса к философии после долгого молчания. Через год Витгенштейн вернулся в Кембридж и защитился в июне. Данное заключение Эйнштейна ставится в соответствие философии математики Брауэра, на которого Витгенштейн ссылается [25; 20, с. 210]. Арэнд Гейтинг пишет что, согласно интуиционизму «существовать» в математике означает «быть построено», или хотя бы «быть строяемым» в интуиции [26; 6; с. 249]. Иными словами, мы по праву называем некий математический объект существующим только тогда, когда нам удалось его построить или когда мы обладаем методикой, чтобы его построить. Таким образом, интуиционисты выступают против платоновского (эйдос) или реалистического подхода в математике, по которому объекты математики предшествуют их обнаружение учёными. Известно, что по закону исключённого третьего при любом высказывании «Р», можно с уверенностью заключать предварительно, что либо «Р» – истина, либо «не-Р»; иными словами, каждое предложение является либо истинным, либо ложным, третьего не дано. По мнению реалиста это значит так: какое бы математическое предложение мы ни рассматривали, мы знаем, что существует некий математический факт в математическом мире, который либо будет реализован (тогда предложение – истина), либо не будет реализован (тогда предложе-

ние – ложь). В концепции интуиционистов, а также самого Витгенштейна, когда утверждают, что математическое предложение – истина, это значит что оно – доказано или доказуемо. Если мы говорим, что математическое высказывание является истинным или ложным, то мы подразумеваем, что для него имеется доказательство или опровержение. Таким образом, объекты математики рассматриваются как ментальные конструкции. Конструктивный подход является точкой прикосновения Витгенштейна с интуиционизмом Брауэра, ибо Витгенштейн тоже высказывался против платонизма и реализма об объектах математики [27; 20, с. 133-140]. Однако есть и большое отличие. Брауэр применил интуицию в качестве инструмента для обоснования истины и достоверности математики, что сближает его к субъективности и даже к солипсизму. Если математика строится в уме, то она оказывается самоочевидной только тому человеку, который сумел осуществить доказательство. Такой подход совершенно неприемлем для Витгенштейна, потому что Витгенштейн всегда стремился к тому, чтобы избежать всякого субъективного или солипсистского решения. Возникает очень важный вопрос. В платонизме мы имеем право говорить, что изложенный в предложениях математический факт – либо реализован, либо нереализован. Также в платонизме возможно, что у нас не будет никогда методов или систем вычисления, которые позволят нам разрешить проблему, является ли предложение истинным или ложным, тем не менее справедливо говорить «или истина или ложь». С точки зрения интуиционистов, а также и Витгенштейна, вопрос об истине предложения связан с его доказуемостью: если мы говорим, что предложение – истина, то мы можем доказать его, или, по крайней мере, мы можем представить, как его доказать. Но если мы не имеем ни малейшего представления о том, как мы могли бы доказать предложение, то есть ли в этом случае смысл, что предложение так и остается истиной? Такое сближение идеи истины к идее математической доказуемости объединяет и Витгенштейна и интуиционистов. Но Витгенштейн на этом не останавливается: он считает, что значением предложения математики является его доказательство. Это означает, что, по мнению Витгенштейна, математическое предложение может быть понято только тогда, когда оно доказано. Исключительно с этого момента оно становится верным и приобретает математический смысл. Витгенштейн предлагает новое определение «ма-

тематики»: это только «мешанина разнообразных методов попытки» (*перевод авт.*) [28; 18, с. 111], она – неоднородная и четко не разграничена. Математика нормативна, она формулирует сеть правил. По мнению Витгенштейна, математик «не обнаруживает, а изобретает» (*перевод авт.*) [29; 18, с. 64]. В рамках философии математики Витгенштейн обсуждает в частности понятие о бесконечности [30; 20, с. 153-168]. Сам факт того, что мы можем задаваться вопросом, бесконечны ли простые числа, однако мы не знаем, как в этом удостовериться, такая постановка вопроса для Витгенштейна была неприемлема. Правда, Эвклид доказал бесконечность простых чисел, но если не было бы данного доказательства? До Эвклида не было никакой методической решения, проблема была решена только благодаря творческому акту Эвклида. С учётом этого, Витгенштейн приходит к выводу, что математики, например Эвклид, не доказывают, а создают новую область математики [31; 20, с. 186]. Теорема Эвклида является новизной и, в определённом смысле, (хотя сам Витгенштейн так не выражается) только после данной теоремы существуют бесконечные простые числа, иными словами, Эвклидом была основана новая система конструкции новых чисел. Из какого-то множества простых чисел путём алгоритма можно получить ещё простые числа, которые не относятся к изначальному множеству, а это значит, что всегда можно будет создавать новые простые числа. При этом не стоит забывать, что Эвклид отказался от понятия об актуальной бесконечности, а лишь утверждал, что при продолжении поиска всегда найдутся новые простые числа, но не говорил, что имеются де-факто бесконечные простые числа. Витгенштейн согласился бы с тем, что до Эвклида предложение «существуют бесконечные простые числа» и его отрицание были бессмысленными и непонятными. Поскольку у нас не было метода для того, чтобы удостовериться в истинности или ложности бесконечности простых чисел, то мы не понимали, что такие предложения означают. Эти предложения были написаны на известном нам языке в правильной грамматической форме, соответственно, они вызывали некие размытые ассоциации, которые могли застывать и выстраиваться в новую систему конструкции арифметических формул, и так и получилось на самом деле в случае простых чисел. Следует сказать, что, по мнению автора «Философских заметок», математическая конъюнктура представляла из себя какой-то хаос, который постепенно становится но-

вым космосом путём творческого процесса. Всякое новое доказательство является конструктивным зарождением новых математических существ. В сфере математики мы можем понять только то, что строго исчислимо, и только в случае, когда мы обладаем техникой, чтобы удостовериться в том, некое математическое предложение истинно или ложно и данная техника применима механически.

В своих лекциях Витгенштейн донес принцип верификации до крайности. В одном из них он привёл интересный пример [32; 13, с. LXXXIV]: насчёт того, что Галилею при публикации первых результатов своих наблюдений с зрительной трубой, возразили, что зрительная труба искажает визуальный опыт, и потому она обманчивый инструмент, Витгенштейн отметил, что Галелей мог бы свободно ответить своим оппонентам: «вы все правы» и тем самым продолжать опубликовать свои исследования. Зрительная труба нас обманывает, значит поверхность луны неровна. Как понять такой выход Витгенштейна? По здравому размышлению, каким способом можем мы узнать, обманывает ли нас зрительная труба или нет? Только посредством самой зрительной трубы. Таким образом, результат изначально известен. Мы будем разглядывать луну с помощью зрительной трубы, а при сомнении в обманчивости зрительной трубы, будем обращаться опять к самой зрительной трубе, чтобы узнать, обманывает ли она нас или нет! Вне самой зрительной трубы нет способов проверить то, обманывает ли нас зрительная труба или нет. Это значит, что предложение «зрительная труба нас обманывает» полностью пусто. Если мы всегда обмануты, то мы и никогда не обмануты на самом деле. С этой точки зрения, понятие о полном, абсолютном и непреодолимом обмане является ложным и даже бессмысленным понятием.

Здесь стоит вспомнить гипотезу Рассела [33; 14, с. 159-160], который однажды предположил, что, может быть, какой-то всемогущий бог создал мир пять минут назад, в том числе все следы, документы, воспоминания о далёком прошлом, о котором обычно мы говорим. Так что мы все явились на свет пять минут назад со всеми воспоминаниями о жизни, от самых ярких моментов только что произошедших до самых отдалённых.

Такое твёрдое убеждение в верификационизме позволило Витгенштейну «среднего периода» ответить на парадоксальную и крайнюю гипотезу Рассела. Как мы видели, по идее мы не можем исключить возможность о созданным пять минут

назад мире потому, что предполагаемый иллюзорный мир имел бы те же свойства, что и сомнительный реальный мир. А принцип верификационизма является, так сказать, всемогущим ходом, спасающим нас от несчастного эпистемического состояния. Если принять гипотезу Рассела, то неизвестно, существовали ли мы в прошлом, ибо все наше прошлое – дьявольское притворство, все наши оплакивания, воспоминания, амбиции оказываются всего лишь иллюзией. А принцип верификации освобождает нас от подобного несчастья. С точки зрения верификационизма Витгенштейна, гипотеза Рассела является самообманом. Это полностью бессмысленно сказать, что мир зародился пять минут назад со всей последовательностью прошлого.

Что на самом деле значит высказывание «мир существует, по крайней мере, 10 минут?» Оно значит: «у меня есть воспоминания, которые уходят, по крайней мере, в 10 минут назад». Оно значит: «этот цветок не может существовать менее 3 дней». То, что Земле, по крайней мере, миллиард лет значит: «уран имеет какие-то определённые темпы распада». То, что динозавры бродили по Земле миллионы лет назад, значит: «ископаемые остатки содержат определённые формы». Таким образом, когда натуралист нам рассказывает об огромных существах не просто из костей (останки которых до нас дошли), а даже из плоти, которые несколько миллионов лет назад ходили по земле – согласно радикальному мнению такого Витгенштейна, это лишь сжатый, замысловатый и причудливый образ описания тех самых критериев. Предполагая существование динозавров, одним махом в единой картине собирается большой объём различных и разбросанных данных, в которые входят окаменелости, пыльца, микропыльца и всё то, что мы знаем о тех обитателях, о том, что от них остаётся после смерти и ещё много других данных. Это учёными выражено блестящим способом в теории, которая использует знакомые нам слова, в которых отражаются несколько теорий и научных экспериментов. Однако здесь возникает вопрос – разве нас не смущает, что при подобных размышлениях мы лишили себя самой историей? В действительности, люди не верят что, например, факт того, что Цезарь перешёл с войском Альпы [34; 20, с. 86-87] является всего лишь остатком от ржавчины на почве, который вследствие соответствующего анализа оказывается частью металлического тогдашнего шлема, принадлежащего карфагенскому воину и также нам не смириться с тем, что те события, которыми мы живём сейчас, через мил-

лион лет будут заключаться в очень неустойчивых и непрочных следах от них, которые тогда будут. В действительности, мы чувствуем, что сейчас происходит нечто имеющее некую силу и реальность, однако Витгенштейн обращает внимание на то, что данная антиципация будущего происходит сейчас и факт того, что может и будет иметься будущее вообще, является возможным только на основе способности вообразить его сейчас, в настоящем. Также такое умаляющее отношение к профессии палеонтолога, где он всего лишь предоставляет сводное описание множества разнородных данных, вряд ли бы устроило ученого. Палеонтолог твердо верит в то, что ископаемые останки динозавров являются прямыми признаками того, что динозавры существовали точно так же, как существуют современные носороги и слоны.

Список литературы:

1. Bridgman P.U., *Le teorie di Einstein e il punto di vista operativo* // Albert Einstein, scienziato e filosofo, a cura di P.A. Schilpp, trad. di A. Gamba. Torino: Einaudi, 1958. P. 281-283.
2. Carnap R., *The Logical Structure of the World. Pseudoproblems in Philosophy*. Chicago: Open Court, 2003. 364 p.
3. Carnap R. *Überwindung der metaphysik durch logische analyse der sprache* // Erkenntnis, Hrsg. Carnap R, Reichenbach H. Leipzig, 1930-1931. Bd. 1. Преодоление метафизики логическим анализом языка. (Перевод выполнен А.В. Кезиным и впервые опубликован в журнале «Вестник МГУ». Сер. 7 «Философия». 1993. № 6. С. 11-26.)
4. Glock H-J. *A Wittgenstein dictionary*. Oxford: Blackwell, 1996. 416 p.
5. Hacker P. *Insight and Illusion – themes in the philosophy of Wittgenstein*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 341 p.
6. Heyting A. *L'intuizionismo in matematica* // Cellucci C. *La filosofia della matematica*. Bari: Laterza, 1967. P. 249-267.
7. Kenny A. *Wittgenstein*. Madrid: Alianza Universidad, 1984. 207 p.
8. McGinn R. *The Routledge Guidebook to Wittgenstein's Philosophical Investigations*, Abingdon. Oxon: Routledge, 2013. 60 p.
9. Neurath O. *Protocol sentences* // Ayer A.J. [ed]. *Logical Positivism*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1959. P. 205-207.
10. Nielsen K.S. *The Evolution of the Private Language Argument*. Aldershot: Ashgate Wittgensteinian Studies Ashgate, 2008. 220 p.
11. Passmore J. *A Hundred Year of Philosophy*, Penguin Books, Harmondsworth, 1968. 523 p.
12. Penrose R. *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 640 p.
13. Rosso M. *Introduzione a "Osservazioni Filosofiche"* // Wittgenstein L. *Osservazioni Filosofiche*. Einaudi: Torino, 1999. P. VII-CLXI.
14. Russel B. *Analysis of Mind*. London: G. Allen & Unwin, 1921. 310 p.
15. Schlick M. *Form and Content, an Introduction to Philosophical Thinking* // Schlick M., Mulder H.L. *Philosophical Papers: Volume II: (1925-1936): 1925-1936 Vol 2 (Vienna Circle Collection)*, Springer, Berlin, 1980. P. 285-369.
16. Waismann F. *A Logical Analysis of the Concept of Probability* // *Philosophical Papers*, B. McGuinness Reidel, Dordrecht, 1977. P. 4-21.
17. Waismann F. *Ludwig Wittgenstein and the Vienna's circle: conversations recorded by Friedrich Waismann*. Edited by Brian McGuinness. Translated by Joachim Schulte and Brian McGuinness. New York: Barnes and Noble, 1979. 129 p.
18. Wittgenstein L. *Osservazioni sopra i fondamenti della matematica*, translated by Di Mario Trinchero Einaudi, Torino, 1979. XXVI. 264 p.
19. Wittgenstein L. *Tractatus. Logico-Philosophicus*. Logisch-philosophische. Abhandlung, Introduction by Bertrand Russell. London: Kegan Paul, 1922. 75 p.
20. Wittgenstein L. *Philosophische Bemerkungen*. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 2012. 320 S.

References (transliteration):

1. Bridgman P.U., *Le teorie di Einstein e il punto di vista operativo* // Albert Einstein, scienziato e filosofo, a cura di P.A. Schilpp, trad. di A. Gamba. Torino: Einaudi, 1958. P. 281-283.
2. Carnap R., *The Logical Structure of the World. Pseudoproblems in Philosophy*. Chicago: Open Court, 2003. 364 p.

3. Carnap R. Überwindung der metaphysik durch logische analyse der sprache // Erkenntnis, Hrsg. Carnap R, Reichenbach H. Leipzig, 1930-1931. Bd. 1. Priodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka. (Perevod vypolnen A.V. Kezinym i v pervye opublikovan v zhurnale «Vestnik MGU». Ser. 7 «Filosofiya». 1993. № 6. S. 11-26.)
4. Glock H-J. A Wittgenstein dictionary. Oxford: Blackwell, 1996. 416 p.
5. Hacker P. Insight and Illusion – themes in the philosophy of Wittgenstein. Oxford: Clarendon Press, 1986. 341 p.
6. Heyting A. L'intuizionismo in matematica // Cellucci C. La filosofia della matematica. Bari: Laterza, 1967. P. 249-267.
7. Kenny A. Wittgenstein. Madrid: Alianza Universidad, 1984. 207 p.
8. McGinn M. The Routledge Guidebook to Wittgenstein's Philosophical Investigations, Abingdon. Oxon: Routledge, 2013. 60 p.
9. Neurath O. Protocol sentences // Ayer A.J. [ed]. Logical Positivism. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1959. P. 205-207.
10. Nielsen K.S. The Evolution of the Private Language Argument. Aldershot: Ashgate Wittgensteinian Studies Ashgate, 2008. 220 p.
11. Passmore J. A Hundred Year of Philosophy, Penguin Books, Harmondsworth, 1968. 523 p.
12. Penrose R. The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics. Oxford: Oxford University Press, 1999. 640 p.
13. Rosso M. Introduzione a "Osservazioni Filosofiche" // Wittgenstein L. Osservazioni Filosofiche. Einaudi: Torino, 1999. P. VII-CLXI.
14. Russel B. Analysis of Mind. London: G. Allen & Unwin, 1921. 310 p.
15. Schlick M. Form and Content, an Introduction to Philosophical Thinking // Schlick M., Mulder H.L. Philosophical Papers: Volume II: (1925-1936): 1925-1936 Vol 2 (Vienna Circle Collection), Springer, Berlin, 1980. P. 285-369.
16. Waismann F. A Logical Analysis of the Concept of Probability // Philosophical Papers, B. McGuinness Reidel, Dordrecht, 1977. P. 4-21.
17. Waismann F. Ludwig Wittgenstein and the Vienna's circle: conversations recorded by Friedrich Waismann. Edited by Brian McGuinness. Translated by Joachim Schulte and Brian McGuinness. New York: Barnes and Noble, 1979. 129 p.
18. Wittgenstein L. Osservazioni sopra i fondamenti della matematica, translated by Di Mario Trinchero Einaudi, Torino, 1979. XXVI. 264 p.
19. Wittgenstein L. Tractatus. Logico-Philosophicus. Logisch-philosophische. Abhandlung, Introduction by Bertrand Russell. London: Kegan Paul, 1922. 75 p.
20. Wittgenstein L. Philosophische Bemerkungen. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 2012. 320 S.